

УДК 1 (470) (091) "18/19"

**Н.Ф. ФЁДОРОВ И Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: ФИЛОСОФСКИЕ
КРЕДО****В.В. Буланов**

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

Автор утверждает, что Н.Ф. Фёдоров как философ типологически близок Д.С. Мережковскому, несмотря на наличие между ними непримиримых противоречий. Эта близость обнаруживается им в коммуникативных стратегиях и в стилях философии Н.Ф. Фёдорова и Д.С. Мережковского, во влияниях, испытанных ими, в воздействии, оказанном ими на культуру Серебряного века. Автор приходит к выводу, что Н.Ф. Фёдоров-философ и Д.С. Мережковский-философ не должны изучаться обособленно друг от друга.

Ключевые слова: активная эсхатология, глобальный проект, квазидialog, неклассический стиль философии, позитивизм, православие, философия Ф. Ницше.

В 1903 г. Н.Ф. Фёдоров в письме В.А. Кожевникову подверг критике мировоззрение Д.С. Мережковского и его единомышленников, как людей, которые либо занимаются самообманом, либо являются циничными эгоистами [5, т. 4, с. 480]. Вместе с тем между Н.Ф. Фёдоровым и Д.С. Мережковским как мыслителями-современниками было много общего.

И Н.Ф. Фёдоров и Д.С. Мережковский в начале 1900-х гг. неоднозначно относились к православию в той интерпретации, в которой оно пропагандировалось в России второй половины XIX в. сторонниками теории официальной народности. С точки зрения Фёдорова, православное христианство – единственно истинная религия, но российское православие, по его же мнению, должно признать приоритетность долга воскрешения всех умерших, обязано отказаться от фатализма и стремиться к приобретению всечеловеческой значимости [5, т. 1, с. 232–233, 255, 268, 368, 399; т. 2. с. 44–45]. Подлинной религией считает православие и Мережковский. Однако, согласно его труду «Л. Толстой и Достоевский», настоящее христианство, в отличие от «старого», «исторического» христианства (в том числе в варианте российского православия), должно решить задачу соединения в человеке духовного и плотского начал как равноправных, а для этого надо отказаться от «омертвелой... догматики» [3, с. 135, 348].

Двойственным было отношение Н.Ф. Фёдорова и Д.С. Мережковского к позитивизму, мода на который охватила большую часть интеллигенции России 1860–1880-х гг. В основном Фёдоров критически относится к позитивизму как к увлечению «бездушным рассудочным знанием» и как к философствованию, принимающему «средства за цель» [5, т. 2, с. 124] и готовому во имя всемирного прогресса признавать нормальность смертности, разрушать природу и отвергать качественное отличие человека от животного [5, т. 2, с. 18–19, 34–35, 181, 360]. Вместе с тем тот же Фёдоров пишет о совместимости науки и религии и даже надеется на то, что именно учёные, увлеченные идеей всеобщего воскрешения, станут наиболее действенным «орудием Божественной воли» по регуляции всех процессов на Земле [5, т. 1, с. 269, 393, 397–398]. Мережковский, провозгласив, что позитивизм не спо-

собен «зажечь душу человеческую», чужд красоте и «величайшим вопросам жизни» [4, с. 559–560], заявляет о своем стремлении изменить мировоззрение «детей века сего, людей бесконечной середины, бесконечного прогресса» [3, с. 349] (т. е. позитивистов). С этой целью Мережковский намечает главное содержание «нового религиозного сознания», как способного «утолить религиозную жажду мира» [там же, с. 141–142] и подорвать влияние позитивизма на своих современников. Однако, как и Н.Ф. Фёдоров, Д.С. Мережковский не чужд позитивистскому философствованию, ведь он обоснование истинности «нового религиозного сознания» сводит к диалектике тезиса, антитезиса и синтеза [там же, с. 140, 346–348]. Эта же диалектика может быть обнаружена в законе трех стадий О. Конта – основателя позитивизма. К тому же, по словам Мережковского, «великая позитивная работа... не прошла даром», т. к. её осмысление стимулирует поиски новой религиозности [4, с. 560].

Объединяет Н.Ф. Фёдорова с Д.С. Мережковским и неспособность сформулировать однозначное отношение к философии Ф. Ницше, споры вокруг которой волновали интеллигенцию России 1890-х гг. Н.Ф. Фёдоров обвиняет Ф. Ницше в лживых нападках на христианскую мораль, считает его учение о сверхчеловеке безнравственным и несовместимым со своим пониманием подлинной миссии христианства, упрекает этого философа в том, что вместо жизни он служил смерти [5, т. 1, с. 412; т. 2, с. 126–127, 135; т. 3, с. 275]. При этом Н.Ф. Фёдоров во многом согласен с критикой с Ф. Ницше позитивизма за мертвенность, с неприятием Ф. Ницше аскетизма, с его призывом к людям стремиться перейти в сверхчеловеческое состояние, с его стремлением выйти «по ту сторону добра и зла» в их обыденном восприятии [5, т. 1, с. 413; т. 2, с. 120, 122–124, 128, 135–136; т. 3, с. 276]. У Мережковского отношение к Ф. Ницше-философу тоже двойственно: он предстаёт и олицетворением творческой мощи культуры Европы, и наиболее явным проявлением её неспособности снять противоречие между духом и плотью [3, с. 106–107, 137, 140, 142]. Д.С. Мережковский также видит в увлечении ницшевской интерпретацией образа сверхчеловека роковую ошибку, но при этом считает обращение данного философа к исканию сверхчеловеческого путем выхода из кризиса европейской культуры [там же, с. 9, 317]. Д.С. Мережковский отвергает имморализм Ницше как разрешение на пошлость, но вместе с тем согласен с немецким философом в стремлении преодолеть аскетическую мораль [там же, с. 275, 301].

Н.Ф. Фёдоров и Д.С. Мережковский как философы следуют одной и той же коммуникативной стратегии – квазидialogу (т. е. по форме – диалог, а по отношению к читателю – монолог). Оба мыслителя ориентируются на диалог как на форму коммуникации, потому что стремятся к выявлению противоречий в позиции своего оппонента [там же, с. 38, 317; 5, т. 2, с. 110], допускают его частичную правоту [там же, с. 332–333; 5, т. 2, с. 211, 224–225] и при этом пытаются убедить читателя в обоснованности своей точки зрения [там же, с. 38–40; 5, т. 2, с. 183, 339]. В то же время Фёдоров и Мережковский относятся к своему читателю как к объекту монологического воздействия: они убеждены в обладании абсолютной религиозной истиной [там же, с. 349–350; 5, т. 1, с. 412; т. 2, с. 44–45, 164] и потому в диалоге не нуждаются.

Сближает Н.Ф. Фёдорова с Д.С. Мережковским и приверженность неклассическому стилю философствования. Фёдоров отвергает отвлеченное мышление Г.В.Ф. Гегеля и призывает заниматься истинной философией, т. е. интеллектуальной деятельностью по улучшению реальной действительности

[5, т. 1, с. 81, 108–109]. Мережковский критически относится к любому философскому рационализму, будь то критицизм И. Канта или материализм К. Маркса, считая, что оправдано существование только той философии, которая обосновывает необходимость религиозности. Он считает целью своего философствования не утончённые рассуждения, а деятельность по созиданию основ мировоззрения для русских людей, жаждущих «нового религиозного сознания» и преображения всего мира [3, с. 141–142, 318–319].

Н.Ф. Фёдоров и Д.С. Мережковский влияли на культуру Серебряного века, содействуя распространению моды на активную эсхатологию, которая, по наблюдению Н.А. Бердяева, призывала действовать, чтобы предотвратить сбывание апокалипсических пророчеств [1, с. 211]. Фёдоров призывает всех людей объединиться во имя победы над физической смертью и для того, чтобы не погиб мир [5, т. 1, с. 412]. Мережковский также тревожно думает о «конце всемирной истории» и хочет, чтобы этот конец пришёл лишь в виде преобразования «старого... христианства в христианство новое» [3, с. 348–349]. Потому-то он и ставит своим единомышленникам, людям нового религиозного сознания, ультиматум – «неизбежное... слово: или мы, или никто» [там же, с. 142].

Н.Ф. Фёдорову и Д.С. Мережковскому было свойственно проективное мышление, чья специфика предполагает попытку радикального изменения «здешней жизни» для её приведения в соответствие с ещё не возникшей, но желанной действительностью (Е.А. Ермолин) [2, с. 71]. Фёдоров своё философствование сводит к обоснованию необходимости осуществления проекта по оживлению всего умершего как реализации Божественного плана по всеобщему воскрешению [5, т. 2, с. 32, 109, 121]. Важнейшей целью философствования Мережковского является также реализация плана всемирного значения – осуществление синтеза духа и плоти [3, с. 140]. Между этими двумя мыслителями к началу XX в. была та общность, которую М.М. Шibaева назвала фактом «достижения... единомыслия в отношении идеала как “последней цели”» [6, с. 211], причем в том и другом случаях эта цель имела религиозное содержание.

Склонность обоих религиозных философов к проективному мышлению привела к однотипным попыткам преобразования культуры Серебряного века. Н.Ф. Фёдоров создал кружок единомышленников, члены которого разделяли его стремление реализовать глобальный проект – убедить всех учёных, российское самодержавие и русскую православную церковь начать совместную работу по достижению полной и окончательной победы над физической смертью путем воскрешения тел всех умерших людей [5, т. 2, с. 33–35, 133]. Кружок сторонников реализации глобального проекта сформировался и вокруг Д.С. Мережковского, стремящегося при помощи участников Религиозно-философских собраний – деятелей литературы и представителей православного духовенства – создать «Церковь Святой Софии» на основе собственного понимания христианства. По мнению Д.С. Мережковского, лишь эта новая церковь сумеет снять общечеловеческую проблему – противоречие между любовью и свободой [3, с. 154, 295–299].

Н.Ф. Фёдоров, как и Д.С. Мережковский, неоднозначно относился к трем основным культурным влияниям в России конца XIX столетия – к православию, к позитивизму и к философии Ф. Ницше. Он тоже ориентировался на коммуникативную стратегию квазидialogа и на неклассический стиль философствования. Н.Ф. Фёдоров, как и Мережковский, был склонен к проективному мышлению, его влияние на культуру Серебряного века также в основном свелось к распростране-

нию активной эсхатологии и к попытке реализации собственного глобального религиозного проекта. Поэтому, говоря о Н.Ф. Фёдорове как философе и субъекте культуры Серебряного века, стоит помнить о его общности с Д.С. Мережковским.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 5–242.
2. Ермолин Е.А. Миф и культура. Ярославль: Александр Рутман, 2002. 124 с.
3. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 5–350.
4. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 522–560.
5. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Прогресс, 1995. Т. 1. 518 с.; 1995. Т. 2. 544 с.; 1997. Т. 3. 744 с.; 1999. Т. 4. 688 с.
6. Шибаева М.М. Культура в «зеркале» русской мысли: монография. М.: МГУКИ, 2001. 249 с.

N.F. FEDOROV AND D.S. MEREZHKOVSKY: PHLOSOPHICAL CREDOES

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The author believes that N.F. Fedorov as a philosopher is typologically close to D.S. Merezhkovsky despite the existence of irreconcilable contradictions between them. This kind of affinity is revealed in the N.F. Fedorov's and D.S. Merezhkovsky's communicative strategies and styles of philosophizing, as well as in their common philosophical roots and their impact on the Silver Age culture. The author comes to the conclusion that both philosophers' should be studied in the comparative perspective.

Keywords: *active eschatology, global project, quasi-dialogue, non-classical style of philosophy, positivism, authodoxy, philosophy of F. Nietzsche.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru.

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Assoc. Prof. of philosophy and psychology with bioethics and history of Fatherland courses Dept., Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru